

И. И. Муллонен

НАСЛЕДИЕ ВЕПСКОГО НЕХРИСТИАНСКОГО ИМЕНОСЛОВА В ОЙКОНИМИИ ЮЖНОГО ПРИСВИРЬЯ¹

Аннотация. Статья продолжает давнее (1994 г.) исследование автора по вепсской нехристианской антропонимии и использует его основные методологические наработки: замещение прибалтийско-финского форманта *-la* русским *-ицы/-ичи* в ходе интеграции вепсской ойконимии в русское употребление (вепс. *Karhil* – рус. *Каргиничи*), закрепление в вепсских ойконимах *-l*-вой модели до- и нехристианских мужских имен. В статье реконструировано 12 вепсских антропонимов прозвищного характера, которые, бытовали, видимо, еще в первой половине II тыс. и выступали в роли родовых именований, передававшихся из поколения в поколение. Практически все они, как и полагается прозвищам, основаны на отрицательных характеристиках личности или облика человека. Для реконструкции привлечены материалы родственных прибалтийско-финских языков, поскольку в силу значительного возраста ойконимов некоторые из этимонов оказа-

лись утраченными из вепсских говоров. Кроме того, вепсская антропонимия идентична по семантической характеристике, а нередко и по самому списку основ нехристианским именованиям других прибалтийско-финских антропонимических систем.

Ключевые слова: вепсский язык, прибалтийско-финская антропонимия, некалендарные имена, ойконимия, Юго-Восточное Приладожье

В ойконимах — названиях населенных мест — южного Присвирья сохранился целый ряд традиционных прибалтийско-финских антропонимов с нехристианскими истоками. Значительная часть их описана¹ в (Муллонен 1994), там же рассмотрены и те структурные типы наименований поселений, которые образованы на основе антропонимов. В этой статье предложена интерпретация ряда ойконимов с формантом *-ичи / -ицы* (которому предшествует посессивный суффикс *-ов- / -ев-* или *-ин-*), которые прежде не анализировались или же могут иметь другие истоки, чем предложенные ранее. Стоит, очевидно, напомнить, что данная структурная модель, свойственная славянской ойконимии, активно использовалась в Присвирье для интеграции в русское употребление вепсских и карельских топонимов, оформленных прибалтийско-финским *-l*-овым суффиксом: вепс. *Karhil* – рус. *Каргиничи*, карел. *Riipuškál* – рус. *Рыпушкалицы*. При том, что прибалтийско-финский формант имеет локативное значение, а славянский посессивное, оба они выступали в связке с антропонимом, образуя название места, населенное родом, потомками человека, имя которого закрепилось в этом названии. Именно это обстоятельство и послужило основанием для адаптации, при которой *-l*-овый формант вепсского ойконима замещался русским. Очевидно, становление интеграционной модели происходило в двуязычной среде, когда осознавались антропонимические истоки прибалтийско-фин-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Прибалтийско-финские языки Северо-Западного региона России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства (карельский и вепсский языки)», № 0225-2014-0017.

¹ *Харагиничи* (Haragol), *Озровичи* (Ozroil), *Рахковичи* (Rahkoil), *Русконицы* (Rusttal), *Юбичи* (Hübjoil), *Коковичи* (Kokoil), *Ребовичи* (Reboil), *Каковичи* (Kakoil), *Каргиничи* (Karhil), *Печевицы* (Pecoil), *Тервиничи* (Terl < *Terval, *Tervel), *Нюрговичи* (N'urgoil), *Валданицы*, *Имоченицы*, *Лембовичи*, *Герпиничи*, *Гуреничи*, *Курикиничи*, *Мустиничи*, *Пижевичи* (Муллонен 1994: 87–97).

ских названий. Напомним также, что приписка к Уставу Святослава Ольговича XIII в. зафиксировала обе модели: прибалтийско-финскую в виде “в Юсколе” (совр. *Юковичи*), и русскую адаптацию в “у Вьюнице”, совр. *Виницы* — вепс. *Vingl*, “в Тервиничех”, совр. *Тервиничи* — вепс. *Terl*.

Список ойконимов, образованных по названной модели, включает более полусотни названий современных и уже утраченных поселений. Они образуют плотное скопление в среднем течении реки Ояти, а также в смежном ареале в среднем течении р. Капши и на Свирско-Оятском водоразделе. Далее представлен относительно полный список названий этой территории, не включающий, однако, уже становившиеся предметом анализа (см. сноску 1): *Варбиничи (Varbal)*, *Вачукиничи*, *Везикиничи* ~ *Вязикиничи*, *Веченицы*, *Гедевичи*, *Гонгиничи*, *Гришкинничу*, *Ериничи*, *Игокинничу*, *Кальшиничи*, *Киковичи (Kikoil)*, *Киничи* ~ *Киничи*, *Колокольничу*, *Корбиничи (Korbal)*, *Куневичи*, *Кучевичи*, *Лавиничи*, *Лебедовичи*, *Ложевичи*, *Любеничи*, *Люговичи*, *Мальгиничи*, *Мергиничи*, *Мириничи*, *Мульевичи (Mul'jeil)*, *Ниргиничи (Nirgl)*, *Нюбиничи*, *Паритовичи*, *Пахтовичи*, *Пикинничу*, *Пилотовичи*, *Пиркинничу (Pirkil')*, *Ратовичи*, *Рекинничу*, *Саксеницы* ~ *Саксеницы*, *Симовичи*, *Суббоченицы* *Тененичи*, *Томиничи*, *Трошевичи*, *Туричиничи*, *Уштовичи*, *Чагоничи*, *Чашиковичи*, *Чимкинничу* ~ *Симкинничу*, *Чуничи*, *Шаменичи* ~ *Шеменичи*, *Шангеничи*, *Шархиничи* ~ *Шархеничи*, *Шахтеничи* ~ *Шахтиничи*, *Шириничи*, *Шондовичи (Šond'al)*, *Шутиничи*, *Явиничи*, *Янгеничи* и др.

Лишь единичные примеры допускают восстановление в истоке топонима православного имени: *Гришкинничу* в составе д. *Шахтиничи*, *Трошевичи* в составе с. *Тененичи*, *Ериничи* (вепс. *Jerl*), *Киковичи* (вепс. *Kikoil*), *Пиркинничу* (< Спирка < Спиридон?), *Симовичи*, *Симкинничу*, возможно, *Шеменичи*. В ойкониме *Суббоченицы* закрепилось некалендарное русское имя *Суббота*, бывшее, судя по документам XVI-XVII вв., довольно популярным на нашей территории (*Кюриунова* 2010: 515). Вполне возможно, что список русских православных и нехристианских имен может быть шире, однако однозначного ответа приведенный выше материал не дает. Впрочем, и прибалтийско-финская интерпретация его не лежит на поверхности. Далее рассмотрено около полутора десятков ойконимов из приведен-

ного выше списка, в основе которых предполагается антропоним-прозвище.

Вначале обратимся к нескольким топонимам, проанализированным ранее (*Муллонен* 1994), однако допускающими в связи с новыми подходами иную интерпретацию. Среди них два ойконима, в основе которых предлагается реконструировать вепские прозвищные именованья, восходящие к названиям простых в приготовлении каш и выпечки из теста. Анализ как русских, так и финских наименований каш и других блюд вязкой, желеобразной консистенции, особенно таких, которые чрезвычайно просты в приготовлении и зачастую даже не требуют варки, показал, что они используются в переносном значении, характеризуя людей медлительных, неповоротливых, отличающихся недостаточной умственной активностью. Таковы, к примеру, рус. диал. *квашия* ‘простак; несообразительный человек’, *опара* ‘о неповоротливом, глуповатом человеке’, *каша* ‘простак, простофиля’, *розвара* ‘рассеянный, забывчивый, несообразительный человек’ при *развара* ‘каша’ (*Леонтьева* 2008: 219–220). Соответственно, финские диалектные наименования несообразительных, бестолковых, глуповатых *tokero*, *humppa*, *huurpa*, *tollo*, *röppörö*, *huttu*, *mämmi* и др. восходят к наименованиям каш, смесей на воде или молоке из ржаной муки, иногда с добавлением ягод (*Ruoppila* 1955, *Логинова* 2011). Они породили целый ряд прозвищ, закрепившихся в патронимах и фамилиях, которые, в свою очередь, отразились в топонимии, прежде всего, в ойконимах. Так, прибалтийско-финских антропонимическим системам известен патроним фин. *Putro*, эст. *Pudru*, вепс. *Pudr*, восходящий к соответствующей лексеме, называющей кашу, ср. вепс. *rudr* ‘загуста, густая каша’¹. Он отразился в ойконимах *Пудрино* и *Пудроль* на бывших вепских территориях в южном Присвирье. В этом контексте предлагается пересмотреть интерпретацию вепского ойконима *Korbal*, рус. *Корбиничи*, дер. в верхнем течении Капши, которую автор ранее связывал с вепс. *korb* ‘дремучей лес’, полагая, что продуктивность топонимов *-l*-ового типа могла привести к появлению образований по аналогии, когда стало возможным оформление

¹ Здесь и далее значение вепских слов приводится по СВЯ.

формантом *-l* и неатропонимических основ: ср. *Korbal* < *korb* ‘дремучий лес’, **Hongal* (Гонгиничи) < *hong* ‘сосна’, *Varbal* < *varb* ‘ветка, сучок дерева или куста’ (о двух последних см. ниже) (Муллонен 1994). Однако в действительности их образование полностью укладывается в традиционную отантропонимическую модель. Вепс. *Korbal* — рус. *Корбиничи* может быть возведено к реконструированному антропониму **Korboi*, из прозвища **korboi* с метафорической семантикой ‘бестолковый’, которая, в свою очередь, восходит к примарному значению вепсского *korboi* ‘загуста из овсяной муки’. Реальное бытование антропонима подтверждают материалы Писцового дела 1563 г., зафиксировавшие крестьянина по имени Михалка Корбуев в Мегрежском погосте (ПКОП: 217).

Kokoil, рус. *Коковичи* — название бывшей деревни в составе вепсского села Озера на Ояти, в списке также деревня с названием *Коковичи* в бывшем Оятском районе, в составе Куриkinского сельсовета на реке Капше, дер. *Кокино* (Согиничи Подпор.) и дер. *Коково* (Паша Тихвин.), в основе которых реконструируется антропоним **Kokoil*. Идентичные ойконимы известны в карельском языковом ареале: *Kokkoilu* (Ведлозеро Пряж.), *Kokoinniemi* и *Kokoinpesä* (Хюрсюля Суояр.), дом *Kokkol'a* (Панозеро Кем.) (Karlova 2016). Антропоним широко бытовал в прибалтийско-финском мире, ср. фин. *Kokko*, эст. *Koock*, *Cock(e)*, лив. *Kocke*, *Cokes*, возводимые традиционно к *kokko* ‘орел’ (Stoebke 1964: 38–39). С другой стороны, заслуживает внимание замечание О. Карловой о том, что для вепсского и ливвиковского, в которых нет этого орнитонима, перспективной представляется лексема *kokko*, *kokoil*, *kokat* ‘небольшой, обычно продолговатой формы пирожок, хлебец’. Подобно другим названиям простых выпечных изделий (*kakko*, *kakku* ‘хлебец’, *širukka* ‘блин’) она использовалась в антропонимии — ср. карельские фамилии Коккоев и Гоккоев (Карлова 2016). Для интерпретации вепсского материала следует иметь в виду связь вепс. *kokat* с широко представленным в русских говорах на смежной с вепсской территорией словом *кокач* (SSA под вопросом вепс. *kokat* > рус. *кокач*), которым обозначали наряду с нейтральной семантикой ‘пирог (с начинкой)’ и ‘неудачный, плохо поднявшийся пирог’ (СРГС), что как раз может быть ос-

нованием для появления некалендарного имени. Собственно, вепсские данные подтверждают это положение: ср. вепс. *kokat* в переносном значении ‘тип, фрукт (о человеке с отрицательными качествами)’.

Далее предложена новая интерпретация еще двух вепсских топооснов, которые, в соответствии с общим форматом ойконимов описываемой модели, восходят к антропонимам:

Гонгиничи (Винницы), Гонгиничи (Алеховщина), Гонгиничи (Тудозеро) — все названия бывших деревень < вепс. **Hong(oil)*, в основе — древнее вепсское личное имя **Hong(oil)*, которое кажется, на первый взгляд, естественным возводить к вепсскому апеллативу *hong* ‘сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна’, тем более, что в материалах писцового дела XVII века тудозерские Гонгиничи поданы как “д. в *Сосновицах*, на усть ручейка Елисеевской, в *Гонгиничах*” (Соболев 2015: 92). Однако поскольку в соответствии с типологией ойконимов *-l*-овой модели имеют в основе антропоним, его следует искать и в этом случае, тем более что *hong* ‘сосна’ дает такую возможность. Во всяком случае финский эквивалент *honka* ‘сосна’ породил производные с прозвищной семантикой: *honkana* ‘о большом человеке’, *hongastin* ‘высокий, рослый’, а также сложные слова *honkapää* (*-pää* ‘голова’), квалифицируемое словарем финских говоров как ‘прозвище’, *honkakurikka* (*-kurikka* здесь ‘башка’) — о большой и бестолковой голове, *honkatonttu* (*-tonttu* здесь ‘дурак, болван’) — о большой и некрасивом человеке. Кроме того, показательны фразеологизмы *päin honkia* ‘неверно, неправильно’, *ajaa honkaan* ‘ошибиться, не удался’, *horista honkiin* ‘говорить глупости’ (SMS). Видимо, в целом переносное значение можно представить как ‘большой, но не отличающийся особым умом человек’. В этом контексте вряд ли корректно возводить карельский антропоним *Honka* непосредственно к наименованию дерева, как это предложено у В. Ниссиля (Nissilä 1975: 131–132). А вот возникшее на его базе прозвищное наименование обладает исключительно большим антропонимическим потенциалом, что подтверждает его востребованность именословом. Фамилии *Honkanen* и особенно *Honkonen* входят в число наиболее продуктивных в Финляндии (SNK). В основе названия олонекской деревни *Honganal*, рус.

Гонганалица (Сямозеро) реконструируется антропоним **Honganu* (ср. выше фин. *honkana*). Карельский вариант названия *Honganual*, букв. 'под сосной', следует, очевидно, признать народноэтимологическим, возникшим в связи с утратой антропонима **Honganu* из ливвиковского именослова. Наконец, имеются и прямые доказательства бытования именной основы в вепсской среде: фамилия *Гонгоев* — вепс. *Honghiine* была известна у прионежских вепсов в д. Матвеева Сельга на рубеже XIX—XX веков. Очевидно, утрата антропонима привела в Тудозере к переосмыслению названия *Гонгиницы* в "Сосновицы".

Varb(a)l, рус. *Варбиничи*, бывшая вепсская деревня на Свирско-Оятском водоразделе, флористические истоки названия (вепс. *varb* 'ветка, сучок дерева или куста'), видимо, следует, как и в предыдущем случае, признать мнимыми — в силу той же типологии номинации. Слово могло закрепиться в топониме только в случае перехода в разряд антропонимов (апеллятив *varb* → антропоним **Varb*), что маловероятно в силу самой семантики лексемы. Поэтому в качестве версии предлагается обратить внимание на известный в большинстве прибалтийско-финских языков термин *varpu* — 'воробей'. Будучи древнерусским заимствованием (SSA), оно могло бытовать в прошлом и в вепсском языке, но оказалось позднее вытесненным вепсским новообразованием *paskač*. Антропонимический потенциал *Varpu(nen)* подтверждается его функционированием, хотя и довольно ограниченным, в финской именной системе (SNK). Кроме того, и вепсская лексема *paskač* 'воробей' оказалась востребованной в антропонимии, Свидетельствуя в пользу принципиальной возможности «воробьиной» фамилии в вепсском именослове, ср. фамилия *Паскачев* — вепс. *Paskačud*, *Paskačuhne* у прионежских вепсов. В целом "птичьи" имена были не столь уж редки в вепсской нехристианской антропонимической системе, и **Varb* (если оно действительно бытовало) встраивается в один ряд с другими "птичьими" антропонимами: *Harag*, *Paskač*, *Kurg*, *Habuk*, *Kukoi*.

В ходе прежнего исследования ойконимов -l-ового типа, адаптированных в русское употребление при помощи формантов -ичи/-ицы, обращалось внимание на продуктивность в их формировании вепсских антропонимов, восходящих к назва-

ниям животных. Собственно, этот класс антропонимов универсален для именников разных языков, где образы животных использованы для характеристики особенностей личности или облика человека. К представленным ранее **Harag*: *harag* 'сорока' (*Haragol* — *Харагиничи*), **Hübj*: *hübj* 'филин' (*Hübjol* — *Юбиничи*), **Reboi*: *reboi* 'лиса' (*Reboil* — *Ребовичи*), **Härg*: *härg* 'бык' (*Härgol*) (Муллонен 1994: 87-88) добавим еще два:

Маягиничи, бывшая деревня на водоразделе рек Оять и Капша., ср. вепс. **majag* 'бобер', которое реконструируется по топонимическим данным: *Majagoja* 'Бобровый ручей', *Maigar* 'v' 'Боброзеро'. В северновепсском диалекте зафиксировано слово *redumajag*, букв. 'грязный бобер' (устное сообщение Н. Г. Зайцевой), которое использовалось для называния грязнули, неопрятного человека. Подобная семантика вполне могла послужить основой для прозвища **Majag*, закрепившегося затем в ойкониме **Majagal* → *Маягиничи*. Аналоги его известны по крайней мере в северной Финляндии, ср. *Johan Majava* 1732, *Henric Majava* 1833 или *Simon Majavajärvi* 1778 и др., при этом составителя Словаря финских фамилий возводят их к соответствующим топонимам (SNK), что не подлежит сомнению в последнем примере, но вряд ли обосновано в первых двух случаях. Логично полагать, что в них, как и других антропонимах-названиях животных, воплотилась та метафора, которую рождается в языке на основе образа животного.

Везикиничи ~ *Вязикиничи*, дер. (Лодейн., Алеховщина): ср. фин. *vesikko*, карел. *vesikkö*, *vezikkö*, ижор. *vezikkoi*, которые известны не только в значении, обычно приводимые словарями нормированного языка: 'европейская норка' — хищное животное, живущее в прибрежной зоне, прекрасно плавающее и охотящееся на воде. В финских говорах, а также в родственных языках оно использовалось для называния водяной крысы, хорька, тритона и даже водоплавающей птицы (SKES), из которых особенно первые два кажутся перспективными в плане переноса каких-то признаков животного на человека¹. Слово не-

¹ Видимо, следует иметь в виду и возможность вторичного развития семантики, которую демонстрирует водское *vezikko* 'водяной (черт), леший' (Ariste 1975).

известно современным вепским говорам, но бытование в близкородственных прибалтийско-финских языках дает определенные основания полагать его былое существование (*vezik) и в вепском. Надежность реконструкции повышает наличие патронима / фамилии *Vesikko* в финском именослове, в частности, на Карельском перешейке, где зафиксированы Grels Wesicko 1640, Thomas Wesiko 1737, Mattz Wesicko 1738 и др. (SNK). В Ингерманландии фамилия *Vesikko* (рус. *Везико*, *Везиковы*) бытовала в целом ряде приходов, в Волосовском районе Ленинградской области известен ойконим *Vesikkola*, рус. *Везиково* (устное сообщение А.Крюкова).

В упомянутой публикации 1994 года на основе ойконимов бывшей вепской территории был реконструирован ряд антропонимов, которые возможно считать древними прибалтийско-финскими личными именами, имеющими параллели в традиционных именниках других прибалтийско-финских народов. Среди них **Hima* / * *Himač* — Имоченицы, **Vald* — Валданицы, **Lemb(o)i* — Лембовичи, **Kaib(o)i* — Кайбола, **Himo*i — Имолово (Муллонен 1994: 92–95). Показателен ареал этих ойконимов: все они зафиксированы на исторической вепской территории, помеченной средневековыми курганами, что, видимо, может свидетельствовать об относительно ранней утрате этой группы имен, возможно, в связи с закреплением православия. Однако основной массив наименований поселений с -I-овым формантом, адаптированным в русское употребление с помощью форманта -ицы/-ичи, которые удалось интерпретировать, содержит в основе прозвищные именованья, что, собственно, подтверждают и приведенные выше в этой статье расшифровки. Далее предлагаются некоторые новые примеры. При этом для части из них не удалось обнаружить надежного этимона в вепских говорах, однако таковой предлагают родственные прибалтийско-финские языки, и в них — что немаловажно — он функционирует / функционировал в антропонимии. В этом контексте есть основания полагать, что ойконимы современного и исторического вепского ареала сохранили утраченную вепскую лексему, которая использовалась в них в качестве антропонима прозвищного характера. Собственно,

подобная ситуация уже была представлена выше, например, в связи с интерпретацией топонимов *Гонгиничи* ~ *Гонгиницы*.

Гедевичи, исторический центр бывшего погоста Михайловского в Гедевичах, совр. с. Алеховщина на р. Ояти. Исходя из совокупности признаков — структурных, семантических, фонетических — допустимо реконструировать в основе дескриптивное слово, входящее в одно гнездо с карел. *hödissä* 'шататься, трястись; говорить нечетко, сбивчиво, говорить глупости' (KKS), фин. *hötyillä* 'суесться, спешить, размахивать руками, hötistä 'молоть языком, болтать чепуху', hötiä 'халтурить, делать наспех', ср. также производные *höterö* 'нетвердо держащийся на ногах; чудака', *hötörä* 'дурак, глупец' *hötinä* 'болтун' (SMS). В свою очередь, интеграция веп. *ö* в виде *e* в русском употреблении — закономерность, которая подтверждается рядом других ойконимов южного Присвирья, в том числе *Герпиничи* (Муллонен 1994: 94), *Мергиничи* (см. далее).

Kerkoil, рус. *Керкиничи*, дер. в вепском Приоятье. Для интерпретации истоков топонима и, соответственно, выявления традиционного антропонима стоит обратить внимание на известное ряду прибалтийско-финских языков (фин., карел., эст.) слово *kerkkä* ~ *kärkkä* 'годиное кольцо дерева; кольцо лыжной палки' (SSA), со вторичной семантикой, характеризующей человека: ср. в восточных финских говорах *kerkkä*, *kerkkula* 'о человеке маленького роста', *kerkelö* 'о маленьком плотного телосложения человеке'; *kerkiäinen* 'слабоумный' (SMS). Видимо, из семантики 'шайба на конце шеста, которым взбалтывали воду и загоняли рыбу в невод' в карельских говорах Суоярви развилось значение 'тот, кто вмешивается во все дела', возможно также 'тот, кто говорит глупости' (KKS). О реальном бытовании антропонима свидетельствуют некоторые топонимические факты, в частности, дер. *Керкелицы* / *Геркелицы* (Олонец., Верховье), несколько домов с названием *Kerkkä*, *Kerkkälä*, *Kerkkänen* на территории восточной Финляндии (<http://kansalaisen.karttapaikka.fi>). В качестве параллели ср. фамилия *Šombu* / *Шомбин*, известная у карелов-ливвиков в Сямозерье, и *Šomb* / *Шомбин* у вепсов в д. Нюрговичи в верховьях Капши (при том, что лексема **šomb* не зафиксирована в вепском языке). Этимон — фин. *sompa*, *somma*, карел. *šompa*,

šomba 'кольцо лыжной палки', ливв. šombu 'кольцо, к которому прикреплялось грузило' (KKS) — семантически близок лексеме kerkkä. При этом, по крайней мере в финских говорах, зафиксировано его метафорическое использование: somma 'ребенок, ребяти' (SSA), судя по которому в семантическом поле актуализированы компоненты 'круглый и маленький', как и в фин. kerkkä. Надо полагать, что в топониме *Kerkoil* сохранились следы бытования вепсского антропонима **Kerko* с возможной семантикой 'человек плотного телосложения и небольшого роста'. Добавим, что Словарь финских фамилий связывает истоки фамилий *Kerkelä*, *Kerkkänen*, *Kerkkonen*, из них две последние на территории финляндской провинции Северная Карелия с германским мужским именем *Gerke*, *Gerko*, *Kercko*, *Gericke* (SNK), что, однако, вряд ли применимо к традиционному вепсскому именослову.

Мергиничи, деревня на Свирско-Оятском водоразделе, в составе с. Каковичи (Подпор.); дер. *Мергино* на средней Ояти (Лодейн., Имоченицы): возможно сопоставление с фин., карел. *mörkö*, *mögö* 'мифологический персонаж бука, которым пугали детей; привидение', слово использовалось также как эвфемизм для называния медведя, вши (SSA, KKS). В вепсском зафиксировано *mörosiine* 'мрачный, угрюмый', видимо, связанное с глаголом *möraitä* 'негромко мычать' (СВЯ), 'ворчать, рычать' (SSA). Предполагается, что прозвище *Mörkö*, *Mögö* могли присвоить мужчине крепкого телосложения, с низким грубым голосом (SNK), добавим на основе вепсских данных — угрюмого вида. Следы его бытования прослеживаются в названии дер. *Mörgöi*, рус. *Мергойла* (Тулокса Олон.) (СНМ 1926: 74), дома *Mörkölä* (с. Калевала) (Карлова 2004), в целом ряде фамилий в документах XV—XVIII вв. по территории Финляндии (SNK). Два топонима с исторической вепсской территории сохранили не зафиксированное источниками прозвище и его вепсский этимон **mörg*.

Рекиничи: дер. в низовьях р. Оять. Предыдущие примеры (*Керкиниччи*, *Мергиничи*) показывают, что гласный *e* первого слога может быть субституцией приб.-финских *e*, *ö*, и для поиска этимона следует найти для топонима свой прибалтийско-финский ряд. В принципе в прибалтийско-финских языках

существует звукоподражательная основа *rökä* 'гон (у свиньи)', фин. *rököttää* (SSA), карел. *rökötteä* (KKS) 'хрюкать', вепс. *rök:sül'kta rökku* 'харкать' (СВЯ), при этом глагольное семантическое гнездо включает вторичную семантику 'спорить, ругаться' (фин. *rököttää*), 'громко смеяться' (карел. *rökötteä*), 'болтать попусту' (карел. *rökeästeä*), вепс. *rökötada*, *röčötada* 'болтать вздор'. Вторичная семантика вепсского глагола обладает большим потенциалом для рождения антропонима. Однако для такой интерпретации антропонима *Рекиничи* не обнаруживается соответствующего ряда в прибалтийско-финской ойконимии. Поиск аналогов и встраивание в ряд — исключительно важный критерий истинности интерпретации. Для *Рекиничей* таковой формируется из названия хутора *Riekku* ~ *Riekunselgy* (СНМ 1926), жители которого были известны под уличной фамилией *Riekkuzed* (Karlova 2016) (Видл., Колатсельга), две деревни под названием *Riekkala* в северном Приладожье (Сортавала, Куркиеки), фамилии *Riekki* / *Riekkinen* и *Riekkö* / *Riekkola* в Финляндии (SNK) и др. Для их интерпретации предлагались разные возможности, в частности, указание на человека православной, т.е. греческой веры (Nissilä 1975: 204), связь с календарными именами *Fredrik* или *Gregorius* (SNK). Надо признать, что обе версии вызывают вопросы, особенно применительно к вепсско-карельскому языковому и историко-культурному контексту. В то же время в контексте прозвищных наименований стоит обратить внимание на экспрессивный глагол фин. *giekkua*, карел. *giekkuo*, в спектр значений которого входят 'кричать, кукарекать (о петухе), буяннить, баловаться, вкалывать (делать тяжелую работу)' с производным *giekko* 'буйный, озорной, безудержный' (SSA), карел. *giekkiäcie* 'пререкается, препираться' (СКЯТ). Возможное ядро этого семантического ряда — 'вести себя шумно, буйно'¹, которое могло быть вынесено и в семантику прозвища.

¹ В этом семантическом контексте стоит обратить внимание на финское название белой куропатки *giekko*, отличительной особенностью птицы является особая крикливость, интенсивное круглосуточное токование, а также участие в ожесточенных драках, завершающихся иногда смертельным исходом, в период весеннего тока (Википедия).

Шутиницы, дер. (Лодейн., Алеховщина). Известно, что еще в начале XX века соседние с Шутиницами деревни *Рус-сконицы* / вепс. *Rusttal* и *Шанша* / *Šapš*, располагавшиеся на Свирско-Оятском водоразделе, были вепскими (Tunkelo 1946). Вполне вероятно, что это относилось и к Шутиницам, однако деревня не попала тогда в поле зрения исследователей, как не был зафиксирован и вепсский вариант названия. Последний может быть реконструирован в виде **Šutil*. Вепские лексические данные не позволяют его этимологизировать, в ливвиковском же есть перспективное в этом смысле аффективное, т.е. эмоционально окрашенное слово *šutti* 'оборванец, в лохмотьях', восходящее, очевидно, к фонетически примарному *šutti* 'о дряхлом, ветхом человеке, предмете одежды; беспутный человек, оборванец', ср. *šuntita* 'влачить жалкое существование, беспутничать, слоняться без дела' [KKS]. Правомочность предложенной интерпретации подтверждает бытование родовой фамилии *Šutti* в ливвиковском селе Вешкелица, а также *Šuttijeff* / *Шуттиев* в с. Реболы в собственнокарельском ареале (Карлова 2004: 102). Видимо, антропоним был известен и вепсам.

Янгеничи, дер. в среднем Приолятье. Исходя из типологии, возможна реконструкция вепс. **Jäng(a)l*, восходящего, соответственно, к антропонимной основе **Jäng(ed)*, ср. фин. (в том числе восточные говоры) *jänkeä* 'крепкий, сильный (о человеке)', *jänkä* 'упрямый', *jänkä* 'о мужчине крепкого телосложения; упрямый, неподатливый', *jänkötin* 'об упрямом непреклонном человеке', *jänkäillä* 'сопротивляться' (SMS).

Подведем итоги. В ойконимии южного Присвирья сохранилась целая группа вепских антропонимов, которые, очевидно, бытовали не только как прозвище отдельного человека, но и как патронимы — родовые именованья, передававшиеся из поколения в поколение. При этом возраст некоторых из них (а, возможно, и большинства) насчитывает не одно столетие. На это указывает сам возраст ойконимов *-l*-овой модели, которая представлена в ареале относительно раннего — собственно,

Крикливость и буйное поведение являются здесь доминантными признаками.

первоначального вепского расселения. Ареал ее бытования (с учетом реконструкции *-l*-ового оригинала в ойконимах с формантом *-ичи/-ицы* в юго-западном Присвирье) в значительной степени накладывается на территорию, маркированную курганами Юго-Восточного Приладожья IX—XIII вв. В соответствии с этим модель ойконимов на *-l* полностью отсутствует у прионежских и белозерских вепсов. При этом в ПКООП конца XV в. вепское Прионежье, а также северная часть вепского Белозерья представлены как уже относительно хорошо освоенная территория с устойчивой системой расселения. Значит ли это, что к середине II тыс. активность модели полностью сходит на нет? Видимо, она продолжала еще какое-то время функционировать в Присвирье, т.е. на ядерной территории, хотя на вновь освоенные районы уже не распространялась. Косвенным образом на середину II тыс. как критическое время для вепских *-l*-овых топонимов, указывает и адаптационная модель *-ичи/-ицы*. В Заонежье, массовое освоение которого происходило в XIV—XV вв. (Витов, Власова 1974: 182, 189), все известные современные ойконимы с формантом *-ичи/-ицы*, образованные аналогично присвирским, отмечаются уже в писцовых книгах XV в. Более того, в них приведены и утраченные поздние названия поселений, образованные по этой модели. После XV в. новых ойконимов на *-ичи/-ицы* уже не образовывалось. Очевидно, ойконимный тип утратил свою продуктивность здесь во всяком случае к концу XV в., а может быть и раньше.

Видимо, с ранним возрастом *-l*-овой модели согласуется и непродуктивность образований от православных имен, не успевших очевидно, получить широкое бытование в вепской среде. Однако их представительство в вепском именослове той далекой эпохи может на самом деле оказаться более значительным, чем нам сейчас представляется. Сложность решения вопроса состоит в том, что малоизвестны те неканонические варианты православных имен, которые могли бытовать в вепской среде. Показательный пример в этом плане — документ 1375 г., в котором упомянут староста приолятского Имоченского погоста «Артемий, прозвищем Оря» и «шунгский смерд ... Игнатеи,

прозвищем Игоча» (ГВНП: 285)¹. То, что названо в тексте «прозвищем», может быть в действительности как раз таким народным вариантом официального православного имени. При этом второй случай (*Игнатий — Игоча*), возможно, вписывается в парадигму, установленную на финском материале: нехристианское имя (в нашем случае *Игоча*, ср. приб.-фин. личное имя *Ihattu ~ Ihačču*) сближалось с созвучным христианским, становясь его народным вариантом (*Forsman* 1891).

Очевидно, с высоким возрастом реконструированных антропонимов связано то, что значительный процент составляют именованья, для которых не обнаружен надежный вепсский этимон. Вепсскую лексику начали собирать поздно, к тому же слова, которые переходят в разряд прозвищ — очень специфическая группа лексики, находящаяся, как правило, за пределами основного словарного состава. Поэтому они просто могли не попасть в поле зрения собирателей. Судя по проведенному исследованию, основной массив нерасшифрованных ойконимов должен базироваться как раз на антропонимах-прозвищах с пейоративной семантикой, и успех будет зависеть главным образом от того, удастся ли найти и привлечь соответствующие данные родственных языков.

Реконструированные вепсские антропонимы идентичны по семантической характеристике основ, а нередко и по самому списку основ нехристианским именованьям других прибалтийско-финских антропонимических систем. Это важный критерий истинности реконструкций и одновременно свидетельство единых истоков названных систем.

Не все из приведенных интерпретаций в равной степени убедительны, однако общий вывод о возможности использования ойконимов *-l*-овой модели и, соответственно, их русских эквивалентов, оформленных формантом *-ицы/-ичи*, для выявления древней системы именованья вепсов не вызывает сомнения.

Литература

¹ Благодарю Д. В. Кузьмина, указавшего мне этот источник и предложившего его возможную интерпретацию.

- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- Карлова О. Л. Суффикс *-la* в топонимии Карелии. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004 (рукопись).
- Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. СПб., 2010.
- Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2008.
- Логинова Е. В. Консистенция дурака или о формировании образа интеллектуально неполноценного человека в финских народных говорах // Бубриховские чтения. Петрозаводск, 2011. С. 68–81.
- Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен И. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СНМ — Список населенных мест Карельской АССР: по материалам Переписи 1926 г. Петрозаводск, 1928.
- Соболев А. И. Вепсское топонимическое наследие Юго-Восточного Обонежья в соотношении с археологическими и историческими источниками // Севернорусские говоры. Межвуз. сб. Вып. 14. СПб., 2015. С. 89–111.
- СКЯТ — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пуужина. Петрозаводск, 1994.
- СРГС — Словарь русских говоров Севера. Том V. Екатеринбург, 2011. С. 221.
- Ariste P. Vadjä järvehaldjas vezikko // Emakeele Seltse Aastaraamat 21. 1975. S. 95–98.
- Forsman A. V. Tutkimuksia suomen Kansan persoonallisen nimistön alalla. I. Helsinki, 1891.
- Karlova O. L. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönimikantainen paikannimistö // Финно-угорская мозаика: диалог языка и истории. Петрозаводск, 2016 (в печати).
- Kepsu S. Pohjois-Kymenlaakson kylännimet. Hämeenlinna, 1981. (SKST 367).
- Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968–1997 (LSFU XVI).
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Ruppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // Virittäjä. 1955. S. 150–170.
- Suomen murteiden sanakirja. Osa 1 Helsinki, 1985 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. 36).

- Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981 (LSFU 12).
 SKN — *Sirkka Paikkala & Pirjo Mikkonen*. Sukunimet. Uudistettu laitos. Helsinki, 2000.
 SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Erkki Itkonen & Ulla-Maija Kulonen (eds.). Helsinki, 1992–2000. (SKST 556; KKTKJ 62).
 Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg, 1964. (Nord- und Ost-europäische Geschichtsstudien. IV).
 Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. (SKST 228).